

МАГИВАРРИЯ

ТОМ 1
Ночь девы

ТОМ 2
Королева мечей

ТОМ 3
Дочь звёзд

Юлия Бабчинская

НОЧЬ
ДЕВЫ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Иллюстрация на обложке от художницы Valentine,
оформление оборотов форзаца и нахзаца от художницы
HEUVAMBIE

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Nmirki, NATALIA-P / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бабчинская, Юлия Дмитриевна.

Б12 Ночь девы / Юлия Бабчинская. — Москва : Эксмо,
2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199085-5

Ирис, как и другие воспитанницы школы пророчиц, мечтает стать будущей избранницей принца Марциана. Но разве могла она подумать, что родная семья решит обречь её на вечно одиночество в Башне Тишины и оставить безмолвной один на один с бесконечными предсказаниями судеб королевств, ограждённых от прочего мира?

Однако этому не суждено случиться. В королевстве Диамонт появляется таинственный незнакомец, владеющий запретной силой магических камней...

Лорд-призрак прибыл с важной миссией, но загадочная послушница нарушила все его планы. Теперь ему вместе с Ирис предстоит столкнуться лицом к лицу со своими страхами, а заодно уберечь королевства от разрушения. А может, все уже предрешиено... Но не стоит забывать, что и в самой тёмной душе есть проблеск!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199085-5

© Бабчинская Ю., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Клятва Девы

Сегодня я скорблю по юности. Она стремительно ушла, не помахав рукой. Во взрослом мире нет места чувствам и беспечности. Их время прошло.

Но я буду помнить и хранить незримый свет в глубине души. Помнить то, с чего все начиналось, с чего началась я сама.

Любить тех, кого нет сейчас со мной. Любить тебя.

Вместо твоей теплой руки я сжимаю холодную рукоять алмазного клинка. И не плачу. Слезы высохли на ресницах с последними лучами солнца.

Но я буду любить тебя. Всегда.

Несмотря ни на что. И вопреки всему.

Пролог

Не все ночи одинаково важны. Под их покровом решаются судьбы королей, магов, воинов и обычных странников. Великие лишаются своего могущества, рушатся целые королевства, возвышаются те, кто считал себя песчинкой. И все за одну ночь. Не все ночи одинаковы.

Десятьлетие назад

Темно и страшно. Где я? Почему я здесь? Где папочка?

Я сижу на четвереньках, как дикий зверек, перепуганный до смерти. Меня окружает тишина и нечто другое, дурное, щекочущее. От страха у меня просто волосы дыбом. Смотрю наверх — луна такая яркая! Вот бы дотянуться и отломить кусочек, тогда бы я посветила вперед.

Да точно... вперед, нужно ползти вперед. Если приглядеться хорошенько, вот же тропинка. Но почему мне так больно внутри? Хватаюсь за живот, поглаживаю, поднимаю руку выше, к груди. Там пусто, совсем. Будто у меня забрали что-то очень важное. Настолько, что это может понадобиться кому-то еще — кажется, я где-то слышала эти слова или просто себе придумала.

Ползу, царапая коленки. Платье мое уже порвано, а я все пытаюсь припомнить, что со мной случилось. Кажется, я катилась кубарем с пригорка, все тело болит. Останавливаюсь и смахиваю слезы — нет, скорее размазываю их по горячим щекам грязными ладонями. «Вот чучело!» — скажет папочка, потеревит меня по волосам, приглаживая сияющую прядку, которая вечно топорщится, и улыбнется. Но где он?

На меня сердито смотрят страшные, корявые деревья с громадными лапами, таких я и не видела никогда, а вот запах знакомый — мох и ягоды... не помню, как они называются. Но такие вкусные! Вот бы набрать лукошко. А нет у меня лукошка. Почему? Почему я в лесу без лукошка? Ночью.

И где папочка?

Я рыдаю без остановки, ну хватит уже, размазня. Точно «размазня» — размазала по лицу грязь и слезы. Но мне так грустно, сил нет. Поднимаюсь на ноги и смелее ступаю по тропинке. Скоро она закончится, я просто знаю это.

Вон же вдалеке огоньки. Ускоряю шаг, бегу на свет. Люди! Я не потерялась! Ищу среди них знакомое лицо. А вот и папочка! Кидаюсь к нему и рыдаю пуще прежнего.

— Ирис! — выкрикивает он, обнимая меня.

Чего я плачу, дурная? А потому, что грустно. И луна вон как светит, но даже она кажется мне печальной.

— Папочка! — всхлипываю я. — Папочка, мне так страшно.

Обхватываю его лицо ладошками и прижимаюсь к щеке.

Почему он побелел, почему так смотрит на меня?

Рыдаю, не могу больше, хватит. Как же плохо на душе, как тоскливо. Не хватает чего-то... Чего? Или кого?

Папочка бросается мимо меня, в лес. Кричу ему вслед, но вдруг луна исчезает с черного небосвода. Темно и страшно. Я вновь куда-то проваливаюсь, а когда выныриваю, то утыкаюсь носом в папину спину: мы едем верхом на звере, который рычит, и визжит, и скрежещет.

— Я так устала, — зевнув, бормочу я. — Куда мы едем?

Ничего не помню. Папа утрюмо молчит. Зверь ревет громче.

Сил едва хватает, чтобы повернуть голову. Веки смыкаются, но я успеваю увидеть красную вспышку. Глаза мои раскрываются шире, я не в силах поверить, что кругом нас огонь — деревья, что растут вдоль дороги, полыхают. Мы и сами в огне, но не горим.

— Папа? — встрепенувшись, говорю я.

Опять обрушивается небывалая усталость.

— Поспи, Ирис, — коротко отвечает он. Удивительно, что мы слышим друг друга среди рыка и треска.

Нет сил думать. Мне должно быть страшно, но я даже на это не способна.

— А мы домой едем? — шепотом спрашиваю я.

— Домой, — говорит отец.

Но я не узнаю его голоса.

Глава 1. Видия

...быть видией — это предназначение...

Ирис

Не та дорога. Вот в чем все дело, я просто пошла не по тому пути. Бывает так, что каждый день ты делаешь одно и то же, простые действия, вдох и выдох, и все сначала, но стоит кошке броситься тебе под ноги, и ты уже поворачиваешь в другую сторону.

Вот и сейчас так. Шагаю за рыжим хвостом с ровными белыми кольцами. Как всегда, смотрю под ноги, в этом мое спасение и мое же проклятие.

Я не должна поднимать глаз. Даже наедине с собой. Не должна, но жутко хочется. Меня здесь никто не видит — из кельи, в которой я всегда одна, мне следовало повернуть налево и отправиться на занятия. Я крепче стискиваю стопку книг и астрологических карт, преодолевая желание повернуть обратно. Разве я то и дело не нарушаю заветы Великого Сотмира?

Слова магистри Селестины, моей мачехи, звучат в ушах, как колокол: «Смотри только в пол или на худой конец в книгу, видия Ирис. Звездами тебе любоваться еще не скоро. И молчи. Обязательно молчи. Всегда и при любых условиях». Тело помнит прикосновение розги — мачеха моя не скупится на «похвалу». Раньше я упрямо не понимала, почему должна разглядывать чужие туфли и кланяться направо и налево, закрыв рот на замок. Я плохо помню раннее детство, но глубоко внутри осталось чувство беспредельной свободы, среди которой я росла. Никаких стен, только бескрайние фиолетовые поля. Кроме этого мимолетного шлейфа, не осталось ничего. Разве что смирение.

И я покорно иду за кошкой, местной вымогательницей еды и ласки. Я прозвала ее Матильда, мне кажется, звучит это довольно благородно и сильно. Я читала, что это имя

произошло от двух древних слов — «мощь» и «битва», а также могло означать «смелая в бою» или «та, что обретает силу в битве». Мне всегда казалось это весьма воодушевляющим — для кошки, конечно же. Сколько же битв прошла наша Матильда? Скольких мышей одолела?

Эта мимолетная мысль заставляет меня улыбнуться и чуть хихикнуть — очередной запрет. «Вы смеетесь, видия Ирис! Какое бесстыдство!» Магистри Селестина ни разу не смеялась при мне, да что уж говорить, даже улыбки не увидишь на ее невозмутимом лице. Кто знает, может, когда она оставалась наедине с собой, то давала себе волю и хохотала от души, как сумасшедшая. Интересно, улыбалась ли она когда-нибудь отцу? Ну хотя бы в день их свадьбы? Вряд ли я спрошу его о подобном. И уж точно не ее. И не свою сестрицу Эгирну, упаси Всевышний!

Искоса бросаю взгляд на пятна света, что лежат на мраморном полу, будто диковинная мозаика. На самом деле это узор от витражного оконца, которых здесь предостаточно. Кошка тоже слегка сбивается со своей траектории, будто заплутавшая звезда: ловит лучик света и щупает его мягкой лапой. Как же мы с ней похожи — нас так легко удивить обыденностью. Пока кошка танцует на своей витражной сцене, я присаживаюсь на каменную скамью и открываю книгу. «Гороскопы для королевских особ» — вот что мне велено изучать. И я днем и ночью штудирую все учебники, которые дозволено взять из Дворцовой библиотеки. Мне надо чем-то занимать мысли, хотя я не знаю, пригодятся ли мне когда-нибудь эти знания. И что-то внутри подсказывает, что совсем нет.

Так уж сложилось в королевстве Диамонт, что первых дочерей семейств отправляют на учебу в Сколастику — огромный собор с часовнями и учебными классами, соединенный с замком Лилий длинной галереей. Именно здесь двадцать восемь девушек постигают азы гадания и предсказаний, чрезвычайно почетное дело, вот только оно требует определенного таланта, который, как правило, все же про-

буждается в старшей дочери. Быть видией — это предназначение, ведь род наших семей происходит от Эдны, видии, жившей пять веков до нас. И только я, пожалуй, исключение из правила. Во мне ни капельки таланта. Поэтому я полагалась только на знания, которые получалось добыть. Чем-то я и впрямь похожа на Матильду. Только вместо мышей я охочусь на книги.

Здорово, Ирис, а сейчас ты как раз прогуливаешь занятие по астрологии и любишься кошкой! Такая прилежная ученица... Но внутри что-то будто свербит, не давая пойти по протоптанной дорожке. К тому же если приду, как всегда, раньше всех, то опять сестры начнут приставать с просьбами списать алтынъ или нарисовать для них красивое созвездие. Они всегда такие милые, когда им что-то нужно, уговаривать они умеют. А после смеются за моей спиной, потому что все-таки я на них не похожа: живу одна, всегда хожу с покрытой головой из-за «колдовской пряжи» в моих волосах и внутренне понимаю — мне никогда не сдружиться с ними.

— Вирго в Грифоне, брак благополучен...

Вывожу карандашом созвездие на полях книги. Зеваю. Меня вдруг клонит в сон, но мысленно повторяю заученные предсказания, хотя крови Эдны во мне, по-видимому, кот наплакал — в отличие от других первых дочерей знатных семейств. Все они нашли свое призвание, доминирующий способ предсказания будущего. На этом и успокоились.

Я втайне надеюсь, что, если я буду много учиться, меня обойдет участь Безмолвной — видии, которая предсказывает судьбы королевств. Видия Мира уже давно заточена в Башне Тишины, а мне хватает и того, что я заперта в Сколастике. Но когда-нибудь я вырвусь отсюда. Снова. Прощую позорную попытку лучше даже не вспоминать. Отец меня так отругал, что мало не показалось.

— Так, так, — произношу вслух, будто обращаюсь к кошке, — с Грифоном все предельно ясно. А вот вирго...

Заглядываю в астрологический словарик, злясь на себя, что подзабыла слово, а потом красивым почерком вывожу в тетради слово «дева» и аккуратно перерисовываю символы пяти лун. Меня это всегда успокаивает, помогает сосредоточиться.

«Выучи только одну вещь, Ирис, остальным тебе не нужно забивать голову, — снова раздается в мыслях голос магистри. — Если три луны выстроятся в ряд, земля сотрясется. Если четыре, опустится темень. А если все пять...» — повторяет она слова видии Миры, намеренно запугивая меня. Вряд ли она сама верит в это грозное пророчество.

Предсказания Безмолвной касаются не только отдельных семейств или нашего королевства Диамонт, но и всех Малых Королевств, приютившихся среди горной цепи Кардамор. Но неужели магистри в самом деле считает, что я стану жить в Башне! Запертой там до тех пор, пока не настанет моя кончина. Хотя на большее я вряд ли гожусь, со своим-то слабым здоровьем. Отец с радостью избавился от меня, когда представилась такая возможность, с горечью думаю я.

Кошка вновь встает на свой путь, увлекая меня за собой — крутит головой, смотрит на меня, мяукает, словно зывает. И я иду следом, прижимая к груди учебники, а когда мы приходим к лестнице, то я вижу под ней пять маленьких рыжих комочков, каждый из которых кошка заботливо отмечает своим шершавым языком. Благословение Матильды.

Понятно, зачем я понадобилась ей сегодня. Мы с кошкой переглядываемся, и в этот момент она словно передает мне важную миссию — теперь и я знаю о существовании этих комочков, а значит, в ответе за них. Вот хитрюга рыжая. Наблюдение за семейной идиллией изрядно затянулось. Ноги затекли, пока я сидела на коленях и изучала каждое крохотное создание, отмечая интересные узоры и полоски на пока еще реденькой шерстке. Я встаю и вдруг

понимаю, что еще никогда не заходила в это крыло Сколастики. Место здесь кажется еще более затворническим, чем прочие, хотя что может быть уединеннее нашего собора? Разве что сама Башня Тишины.

Разминаю ноги и разглядываю свои туфли из бледно-серой потертой кожи, со сбитыми носками и кое-где прохудившейся подошвой. На них падают желтые и синие лоскуты света от оконца — яркий штрих в моих бесцветных буднях. Туфли уже соскакивают с ног, их нужно выбросить или отдать псу на растерзание ради разнообразия. Я бы тоже что-нибудь с удовольствием погрызла, например, «Истину Сотмира» в толстом кожаном переплете, усмехнувшись, думаю я, настоящий книжный червь.

Голова у меня вдруг идет кругом, я придерживаюсь за перила лестницы, по рукам и ногам бегут мурашки, расплазаясь по всему телу, затянутому в серое льняное платье с высоким воротом. Кладу учебники на пол, потираю ладони, сплетаю ноги под грубыми юбками. Мне холодно, и я пытаюсь согреть свои побледневшие конечности.

Нет, прошу...

Сознание раздваивается. Я здесь и где-то еще.

Поднимаю голову, касаясь взглядом холодных голубых стен — совсем как в моей келье, где я всегда одна, если не считать «всевидящего ока» Сотмира. Но если бы он впрямь увидел, какую негодную невесту-видию ему подсунули, то немедленно поразил бы меня молнией. Смотрю по сторонам, молний нет и в помине. Только я пытаюсь улыбнуться, и на глаза накатывает темнота.

Дрожу всем телом. Хочу прогнать приступ, но он всегда оказывается сильнее меня. Я действительно слаба. Еще чуть-чуть, и порвется ниточка, связывающая меня с реальностью. И я провалюсь в бездну.

Нет, нет, не сейчас. Трясу головой, смахивая с глаз пелену. Перед глазами мелькают крохотные звездочки. Почему это происходит со мной? За что?

И вот я уже наверху лестницы — но как я здесь так быстро оказалась? Ощупываю ладонью необычную дверь из холодного белого камня, покрытую золотыми лунами и звездами. Безмолвие заполняет меня полностью, до краев, и я крепче прижимаюсь к двери, сердце мое отчаянно бьется среди этой тишины — но за дверью я ощущаю другое сердцебиение, еще более частое, еще более отчаянное. Страх, неизбежность, беззвучная боль... Земля вздрагивает под моими ногами, и я падаю в темноту. Или в свет.

Обычно я и впрямь окружена тишиной и шелестом — шуршащих подошв, своего дыхания. Частенько я наблюдаю за чужими туфлями, с аккуратными круглыми носиками, дивными цветами, а у принцессы Витриции на недавней службе я украдкой видела туфли с сине-золотыми драконами. Тогда я подавила в себе вспыхнувшее желание обладать такой вещью. Могла ли я позволить себе подобные мысли? Но больше этих туфель меня привлекают каменные узоры на полу Сколастики. Каждый булыжник, каждый кусочек мозаики кажется особенным. А главное — камень не умирает.

«Камень не умирает...» — будто шепотом доносится до меня.

С этой мыслью я открываю глаза и вижу, что лежу на мозаичном полу ротонды. Тонкая дорожка спиралью закручивается к центру. Это место мне знакомо, здесь я всегда нахожу спокойствие, разглядывая каменные изваяния, но не сегодня. Как я сюда попала? Оглядываюсь в поиске книг, но их нигде нет. А значит, я не просто задремала здесь и увидела чудной сон.

Встаю и подхожу к статуе, которая всегда притягивала меня своей строгостью и силой. А сейчас она просто манит меня, это сложно объяснить, но все внутри гудит и поет при виде изваяния. В отличие от других женщин, застыв-

ших в позе мольчицы, эта женщина стоит прямо, гордо, подбородок чуть задран вверх, а взгляд устремлен вперед. Ее волосы не покрыты, как у остальных — или как у меня. Рядом с ней мне просто хорошо, волнение понемногу затихает.

На шее статуи появилась трещина — возможно, тряска, которую я ощутила, была на самом деле и повредила древнее изваяние. Внутри будто что-то поблескивает. Я подхожу ближе, отодвигаю ветку плюща, змеей обвивающего каменную женщину. Смотрю на переплетение линий и завитков, острую стрелу, идущую вниз, словно к сердцу, и круглый камень по центру. Мои глаза расширяются. На груди этой женщины невероятный кулон! Не может быть! Найти такое в самой Сколастике!

С первого взгляда это неприметный черный камень, но я отчетливо вижу, как он искрится, ловя луч света, а когда касаюсь его, он выскользывает из своей гипсовой скорлупы и будто сам прыгает мне на ладонь. Я ощупываю его — он такой гладкий и теплый, будто уже согрет солнцем. И вот он мерцает. Я словно вижу на нем созвездие, которое в миниатюре уложилось в этот камешек, в этот отколовшийся кусочек ночного неба. Но...

Но я не могу никому показать его — а вдруг это и есть *драгоценность*? Такие камни строго-настрого запрещены в Малых Королевствах. И тем не менее я зажимаю его в ладони — просто не могу оставить этот камушек тут. Знаю, что люди, которые владеют драгоценными камнями, — самые настоящие преступники. Даже больше, они зло. *Силоманты*. Этого слова даже вслух не произносят, ведь оно вселяет ужас.

Мне хочется поскорее добраться до моей кельи, где я припрятала страницу из одной *запретной* книги. Я тоже зло, я тоже преступница, но любопытство, как всегда, заставляет меня шагнуть за черту.

Камушек будто прожигает мою ладонь, когда я ухожу прочь из ротонды, направляясь к себе в келью, — я загляну

